

Киевский лабиринт

Автор:

Иван Любенко

Киевский лабиринт

Иван Иванович Любенко

Клим Ардашев #9

1916 год. Предвкушая долгожданный отдых, статский советник Ардашев приезжает в Киев погостить у родственников жены. И все, казалось бы, начинается неплохо... На следующий день Клим Пантелеевич покупает супруге дорогой подарок в ювелирном салоне – золотые часы, украшенные драгоценными камнями. Однако уже наутро обнаруживается, что часы вышли из строя. Похоже, Ардашеву продали подделку! Он отправляется в салон выяснить недоразумение и находит за прилавком, кроме мертвого ювелира, еще два трупа. Прибывшая на место происшествия полиция задерживает Ардашева как подозреваемого в убийстве, и статский советник вынужден забыть об отпуске – теперь ему предстоит не только снять с себя обвинения, но и расследовать преступление...

Иван Любенко

Киевский лабиринт

Высоко передо мною

Старый Киев над Днепром,

Днепр сверкает под горою

Переливным серебром.

Хомяков А.С.

1. Киев

25 мая 1916 г., среда

Лиловые сумерки постепенно тушили день. На темно-синем небе поочередно вспыхивали звезды. Казалось, невидимый фонарщик подносил к ним свой горящий фитиль. Света добавляли и снопы искр, вылетающие из паровой трубы. Локомотив бежал по рельсам Московско-Киево-Воронежской железной дороги все быстрее. С муравьиным упорством он тащил за собой бесконечный ряд разноцветных вагонов. Позади остались Малоярославец, Тихая Пустынь, Брянск, Нежин и Бобровицы. А впереди уже виднелся купол колокольни Софийского собора. До Киева оставалось меньше двух верст.

Клим Пантелеевич Ардашев, статский советник Министерства иностранных дел, рассеянно смотрел в окно вагона первого класса. На столике лежала книга «Киев и его окрестности». Впервые за последние три года он получил отпуск. Пожалуй, правильнее было бы сказать, что с того времени, как он был вынужден бросить адвокатскую практику и вернуться к работе «рыцаря плаща и кинжала», минуло почти три года. Тогда, накануне великой войны, чтобы раскрыть дерзкое убийство второго секретаря посольства, ему пришлось совершить путешествие в Персию. Но и 1913 год оказался для бывшего присяжного поверенного непростым. Чего стоило расследование в Ставрополе «самоубийства» купца второй гильдии Тер-Погосяна? Кто знал, к чему оно приведет? А разгром банды Зелимхана в Кавказских горах? Да и 1915-й – год вроде бы спокойного жительство в Петрограде, таковым для Ардашева не стал. Город трепетал от страха, узнавая подробности все новых и новых смертоубийств модисток, совершенных маниаком-стихотворцем. Даже главный сыщик столицы Владимир Филиппов оказался бессилен против душегуба. И только вмешательство Клим Пантелеевича помогло вывести супостата на чистую воду. А теперь он ехал в отпуск, который пришлось взять по настоянию жены. Вероника Альбертовна еще в начале мая отправилась погостить к двоюродной сестре в Киев. Всю последнюю неделю она слала супругу телеграммы и просила, чтобы он не тянул с приездом. Пришлось идти к начальству с прошением. Князь Мирский,

возглавлявший отдел Ближнего Востока МИДа, лишь тяжело вздохнул и подписал бумагу.

Поезд, подрагивая на стрелках, замедлил ход. За окном уже мелькали вспомогательные железнодорожные строения. Путешествие длиною в 1705 верст наконец завершилось. Заскрипели тормозные колодки, и состав остановился прямо перед вокзалом. Это было обычное каменное здание в два с половиной этажа, построенное еще в 1870 году. Оно служило для обеих железных дорог, проходящих через Киев. Внутри имелись отдельные покои для приема высочайших особ.

Пассажиры начали выходить на перрон. Погода стояла майская. Термометр перед входом в вокзал показывал 10° по Реомюру [1 - 10° R = 12 °C.]. Легкое серое пальто и широкополая шляпа надежно защищали статского советника от слабого северо-западного ветра, доносившего из паровозной топки запах угля-курняка. Артельщик, прочитав в глазах Ардашева согласие, тут же выхватил у него желтый глобтроттер и потащил к стоянке экипажей, находившейся на привокзальной площади. Извозчик, завидев издали знакомого носильщика, бросился ему навстречу.

- Куда прикажете, васкродь? - с заискивающей улыбкой, осведомился возница.

- На Большую Владимирскую, к дому Могилевского, где магазин «Свет»...

- Это мы в два счета! - воскликнул автомедон. - Обойдется в рупь.

- Договорились.

Дождавшись, пока пассажир расплатится за багаж, извозчик тронул экипаж.

Еще находясь в Петрограде, Клим Пантелеевич попросил супругу, чтобы его никто не встречал. Ардашев не любил причинять беспокойство даже родственникам. К тому же он не испытывал особой любви к высокомерному двоюродному свояку. В памяти остался его приезд в Ставрополь. Тогда, в 1908 году, Терентий Петрович Могилевский - муж кузины Вероники Альбертовны - весьма скептически отзывался об увлечении провинциального адвоката литературой. Видимо, председатель Киевского биржевого комитета, дослужившийся до действительного статского советника и будучи на десять лет

старше присяжного поверенного, счел себя персоной, которая имела право не только смотреть свысока на жизнь хозяев, но и рассуждать о ее правильности. Потому-то и ехал Ардашев к Могилевским скрепя сердце. Откровенно говоря, он надеялся провести в Киеве неделю, или в крайнем случае дней десять. «Этого времени с лихвой хватит, чтобы лично увидеть все достопримечательности матери городов русских, – полагал статский советник. – Тем более что я уже проштудировал почти весь путеводитель. Да и Веронике пора возвращаться домой. Уж слишком беспокойное наступает время».

Несмотря на то что в войне наметился перелом, будущее Ардашеву виделось весьма туманным. Да, в феврале Россия одержала целый ряд важных побед на Кавказском фронте. Великий князь Николай Николаевич вступил в Эрзерум. Армения теперь полностью в руках России. В результате блестящей наступательной операции турки потеряли более сорока тысяч убитыми и ранеными, в плен попало тринадцать тысяч солдат и офицеров, захвачено триста двадцать пять пушек. В случае занятия Керманшаха дорога на Багдад для наших частей будет открыта. В апреле мы взяли Трапезунд. Теперь давняя мечта о русском Константинополе может стать явью. Но... велика вероятность появления разногласий среди союзников. Вполне возможно, что в этой ситуации достаточно остановиться на создании нового государства, возникшего на развалинах Османской империи, которое бы находилось под влиянием стран Согласия. «Россия и так огромна. Аннексировать Турцию – значит, как бы парадоксально это ни звучало, ослабить страну. Главное – контролировать проливы, ключ к Черному морю... К тому же слияние Русской православной церкви с греческим патриархатом чревато возникновением противоречий среди духовенства, которое сейчас занято выяснением отношений с Григорием Распутиным. Да, этот «старец» зашел слишком далеко. И рано или поздно с ним расправятся, и скорее всего это сделают англичане, – мысленно предположил статский советник. – Положение союзников в Персии совсем незавидное. В Месопотамии генерал Тоушенд сдался после 148-дневной осады. Турки празднуют победу. Надо отдать должное и немцам. Со свойственной им настойчивостью они, точно кроты, методично подрывают государственные устои не только России, финансируя большевиков, но и Британии. Как теперь выяснилось, вспыхнувшее кровопролитное восстание в Дублине было организовано германскими шпионами, прибывшими под видом коммивояжеров».

Клим Пантелеевич с интересом рассматривал город. И он ему сразу понравился, потому что в облике Киева читалось что-то старое, до боли знакомое. Казалось, статскому советнику уже довелось когда-то побывать здесь. «Вероятно, – рассудил он, Киев очень близок к Ставрополю». Это сходство заключалось и в холмистой местности, и в бесчисленных каштановых аллеях, и вишневых садах, и улочках с добротными купеческими особняками из красного кирпича. Вечерами здесь так же, как и в Ставрополе, теплились желтым светом керосиновых ламп глазницы глинобитных домов с соломенными крышами. И огонь этот был южный, теплый, какой бывает только на Кавказе и в Украине. Зато на широких проспектах текла совсем иная жизнь, с лоском и роскошью, свойственная, пожалуй, Москве и Петрограду. Каменные пяти- и даже семиэтажные здания с венскими и итальянскими окнами в человеческий рост, роскошные, непохожие друг на друга дворцы, трамваи Спрэга, американские «Форды» и французские «Рено», огромные витрины дорогих магазинов, освещенные электрическим светом, шарообразные фонари, поднятые на невиданную высоту, – все придавало городу черты европейской столицы.

С наступлением сумерек Киев казался еще прекрасней, становился уютным, домашним. А Днепр!.. Эта широкая река, опоясавшая город голубой лентой, уносила свои воды дальше, за пороги, в степи Херсонеса, к самому Черному морю. Над городом, на правом берегу великой реки, возвышался памятник Святому князю Владимиру. Его трехсаженный крест, подсвеченный электричеством, теперь служил маяком для проходящих мимо судов и, сказывали, был виден за сорок верст.

Фиакр стучал по мостовым, переезжал с одной улицы на другую и наконец остановился перед высоким домом в четыре этажа. Не успел Ардашев расплатиться с возницей, как из парадного вышел немолодой высокий мужчина с поредевшей черной шевелюрой и бакенбардами, сросшимися с пышными усами. По всему было видно, что он старался выглядеть моложе своих лет. Об этом свидетельствовали явно крашенные волосы и нафабранные усы. Возраст выдавали брови, в них из-под краски пробивалась седина, и морщинистое, точно моченое яблоко, лицо. Действительный статский советник еще в прошлом году разменял седьмой десяток. Рядом с ним стоял лакей, который тут же взял у Ардашева его чемодан.

– Наконец-таки пожаловал, – выдавил из себя улыбку хозяин и протянул руку. – Сколько же лет мы с тобой не виделись?

– Восемь.

– Да, летит время. Как добрался?

– Долго стояли на станциях, пропускали эшелоны с солдатами.

– Ничего не поделаешь – война, – вздохнул Могилевский и, будто извиняясь, сказал: – Вероника с Еленой уехали прогуляться по магазинам, но должны вот-вот вернуться. Они на авто. С ними извозчик моего автомобиля или, как теперь говорят, chauffeur. Ты сильно голоден? Будем ждать их или сядем ужинать?

– Думаю, подождем.

– Тогда предлагаю скрасить ожидание бутылкой Шамбертена.

– Прекрасная идея.

Покои Могилевского располагались на втором этаже. Супружеская чета вполне довольствовалась десятью комнатами, включая гостевую. Остальные сдавала. Весь первый этаж арендовал магазин «Свет» и несколько коммерческих контор. Кроме доходного дома действительный тайный советник в отставке владел еще и мыловаренной фабрикой.

Когда бутылка почти опустела, в прихожей послышался радостный возглас:

– Лена, смотри, это трость Клима! Клим приехал!

В гостиную влетела радостная Вероника Альбертовна.

2. «Аврора»

Филера он заметил сразу. Тот шел за ним не спеша, останавливаясь и пялясь в подсвеченные изнутри витрины модных магазинов. Стараясь от него оторваться, он запрыгнул в трамвай у Царской площади. Но и шпик был не промах: нанял

пролетку и упорно следовал за вагоном. Тогда пришлось сойти на остановке, как раз напротив Греческого монастыря. «Топтун» был опытный, и уйти от него никак бы, наверное, не удалось, если бы не 17-й трамвай. Заскочить в него пришлось почти на полном ходу. Кондуктор то ли от неожиданности, то ли от страха, раскричался, грозя штрафом. Но, получив целковый, тут же успокоился. Доехав до Константиновской, он сошел. Петлял еще два квартала – все проверял, нет ли за ним слежки. Убедившись, что «хвост» безнадежно отстал, сел на 16-й трамвай и, добравшись до Ярославской, вышел.

Шесть окон третьего этажа большого дома с узорчатыми пилястрами, фронтонами и карнизами были завешены плотными портьерами. «Стало быть, все нормально – собрание состоится», – решил про себя незнакомец. Не обращая внимания на вопросительный взгляд привратника, он быстро миновал два лестничных пролета. Стоило нажать на пуговицу электрического звонка квартиры № 9, как мгновенно отворилась дверь. Его ждали.

Наум Шмулевич Якобсон давно находился на нелегальном положении. Иван Потребов, Сергей Загорулько и вот теперь Семен Израилевич Гоцман – лишь часть имен и фамилий, указанных в его поддельных видах. Бывший фельдшер, организатор летучего боевого отряда «Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России» (БУНД) стал на путь террора в двадцать пять лет и давно числился во всеимперском розыске. Соратники дали ему кличку Лекарь. Киевское Охранное отделение охотилось за ним с самого 1905 года. Непримирым борец с царизмом разыскивался за череду громких политических убийств, совершенных в Киеве, Харькове и Одессе еще перед войной. Его давно ждала виселица. Правда, последнее время о нем не было ни слуху ни духу. Якобсон будто в омут нырнул. Однако по сведениям, полученным из заграничной агентуры всего месяц назад, он был замечен в Цюрихе, где неоднократно встречался с Владимиром Ульяновым и Григорием Сокольниковым (Гиршем Янкевичем Бриллиантом). Последний как раз и уговорил его порвать с Всеобщим еврейским рабочим союзом и вступить в РСДРП, которая осудила призыв БУНДА к еврейским рабочим выступить на защиту отечества. О том, что именно Лекарь и был тем самым объектом, за которым следил филер, офицеры, ведавшие политическим сыском, не знали. Он попал в поле зрения наружного наблюдения случайно, когда встречался в портерной с одним из бывших политических ссыльных, над которым давно висела «фотогеновая лампа» жандармов. «Топтун» и должен был в итоге выяснить его личность, да вот незадача – «дичь» упорхнула.

Семен Израилевич Гоцман (по данным последнего паспорта) торопился на встречу с весьма почтенной публикой. Его ждал совет старшин общественного собрания «Аврора». После либеральных указов Николая II такого рода собраний и клубов насчитывалось в России великое множество. По данным сысской полиции, члены «Авроры» приходили сюда не столько для общения, сколько для того, чтобы засидеться за картами до первой утренней звезды. Отсюда, вероятно, происходило и название. Поскольку всегда были людьми уважаемыми, то власти смотрели на это сквозь пальцы. Однако имелась и другая, менее известная полиции причина, заставлявшая старшин собираться раз в неделю. В «Авроре» заключались миллионные сделки, продавали и покупали дела, решали судьбу местных политиков или чиновников. Поговаривали, что ставленники «Авроры» были и в самом Петрограде. Словом, в этих специально снятых восьми меблированных комнатах принимались иногда судьбоносные решения не только для Киева, но для всего юго-западного края. По особой протекции доверенных лиц старшины могли выслушать просьбу любого человека, если, конечно, от его предложения предполагалась выгода клубу.

Вот и сегодня здесь ждали гостя. Еще пару лет назад ему бы отказали в аудиенции. А сейчас наступало иное, смутное время. Поезд под названием «Российская империя» был готов сойти с рельс в любой момент. Он уже не слушался машиниста... А что будет со страной через год, два или три? Кто станет у руля? Ощущение неопределенности овладевало каждым, кто хоть изредка почитывал газеты и был способен мыслить.

Несколько дней назад сахарозаводчику Кролю передали из-за границы письмо от его старого приятеля, который давно скрывался от властей за рубежом. Тот просил принять и выслушать на заседании «Авроры» посланника некоего Ульянова (Ленина), которому пророчили завидное политическое будущее в партии социал-демократов. Посоветовавшись с членами клуба, Моисей Соломонович согласился.

И вот теперь в просторной зале, кроме упомянутого сахарозаводчика восседали: хозяин ювелирных и часовых магазинов Лейб Гиршман, известный присяжный поверенный Гриль, управляющий «Киевским обществом взаимного кредита» Соломон Шанс, Менахем Гайденвурцель – директор Торгового дома «М. Гайденвурцель и сыновья», хозяин свечных, воскобелийных и воскобойных заводов Марк Иохельсон, нотариус Исаак Сумневич, директор «Паровой фабрики масляных красок» Аарон Байвель и банкир «Киевского учетно-ссудного

общества взаимного кредита» Лазарь Шефтель.

Сегодня эти люди имели значительный вес в обществе и представляли торговые и финансовые круги Киева. С их мнением считались, а их самих уважали. Но почти каждый из присутствующих прошел трудный и долгий путь. В памяти многих сохранились примерно одни и те же безрадостные картины детства: грязный пустырь еврейского подворья, где в полном беспорядке, прилипнув друг к другу стенами, стояли тесные сарайчики. В них ютились люди. Обычное жилье небогатой еврейской семьи состояло тогда из одной-единственной комнаты с провисшим потолком, который удерживался лишь благодаря столбу с поперечной балкой. Четверть пространства жалкого помещения занимала печь с лежанкой. На ней, в грязном тряпье, копошились дети. Тут же в углу стояла широкая некрашенная деревянная кровать. У одной стены – сундук с вещами. У другой – длинная скамья да грубо сколоченный стол. По стенам прибиты полки. На них в беспорядке навалены книги в порыжевших, истрепанных переплетах. Кадушки с водой, черпак, лохань да ведро с помоями. Наступает вечер пятницы. Один из мальчиков сидит за столом перед раскрытой книгой. Он водит по строчкам пальцем и шевелит губами. Мать возится у горячей печи. Все ждут не дождутся свежих калачей. Запах поджаристого теста кружит голову. В пустом желудке мальчика давно «квакают лягушки», и он искоса поглядывает туда, откуда плывет сладкий аромат. Скорей бы зашло солнце, и на небесном куполе зажглась первая вечерняя звезда... Эх, детство!.. вспомнились уроки в хедере[2 - Хедер (идиш) – еврейская начальная религиозная школа. (Прим. авт.)], когда ребе[3 - Ребе (идиш) – учитель в хедере. (Прим. авт.)] в котелке набекрень, из-под которого виднелась желтая подковка лысины и краешек ермолки, за непослушание лупил хедерников линейкой по рукам и заставлял, раскачиваясь, точно гребцов в лодке, распевать стихи из Пятикнижия Моисея. Потом наступило время бар-мицва, и тринадцатилетние мальчики, достигшие религиозного совершеннолетия, пели мафтир[4 - Мафтир – молитва, которую распевают 13-летние мальчики в ознаменование своего религиозного совершеннолетия. (Прим. авт.)] в синагоге... И мама, зажегши свечи, вдруг взмахнет над ними сложенными вместе ладонями, как крылами, и воскликнет: «Гут шабес!»[5 - Гут шабес (иврит) – доброй субботы. (Прим. авт.)]... Все было, но прошлое ушло и растаяло, как утренний сон...

Дождавшись, пока визитер займет предложенное место, сахарозаводчик Кроль изрек:

– Господа, познакомьтесь: Семен Израилевич Гоцман. Он представляет интересы некой организации, которая, по его словам, будет бороться за права и интересы еврейского населения. Она называется РС... Д... А впрочем, – негоциант махнул рукой и повернулся в сторону незнакомца, – вы сами, голубчик, обо всем и расскажете. Вам отводится четверть часа.

На лицах старшин застыла холодная надменность, присущая хозяевам жизни.

Якобсон поднялся из-за стола и, пригладив тощие усики и реденькую бородку клинышком, сказал:

– Позвольте рекомендоваться: я член Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). В ее рядах много наших единомышленников. Вы не хуже меня знаете, как царизм относится к нашему народу. В своде законов Российской империи насчитывается почти полторы сотни законов, ограничивающих права и свободы иудеев. И как только наша партия придет к власти, все законодательные акты, унижающие наше достоинство, будут отменены. В новом правительстве мы будем иметь большинство. В этом нет никакой фантазии. Моя уверенность основана на трезвом расчете. Но для того, чтобы приблизить это время, нам нужна ваша финансовая помощь. Собственно, разрешение этого вопроса, как вы понимаете, и является целью моего визита.

– А кто в вашей партии главный? – осведомился присяжный поверенный Гриль.

– Высшим органом является съезд партии. А в период между съездами – Русское бюро Центрального комитета РСДРП. «Русское», значит, действующее в России, – пояснил он. Бюро состоит из членов ЦК.

– А чем ваша РСДРП лучше БУНДА или ПОАЛЕЙ ЦИОНА?[6 - ПОАЛЕЙ ЦИОН – еврейская социал-демократическая рабочая партия. (Прим. авт.)] – поигрывая золотой цепью от карманных часов, спросил директор «Паровой фабрики масляных красок».

– Как вам, наверное, известно, несколько дней назад в Киеве завершилась конференция, на которой делегаты БУНДА высказались за поддержание правительства в борьбе с внешними врагами. Это решение ошибочное... Не скрою, некоторое время назад я так же был членом «Всеобщего еврейского рабочего союза», но мне пришлось выйти из этой организации. И теперь я

лишний раз убеждаюсь в правильности сделанного мною выбора.

– Вот те на! – хлопнул в ладоши банкир Лазарь Шефтель. – Что ж вы предлагаете? Сдать страну немцам?

– Ни в коем случае! Мы должны желать царизму поражения в войне, поскольку именно разгром России поставит действующий режим на грань гибели. И это поможет нам взять власть. А следующим этапом будет революция в Германии. И позже, когда немецкие рабочие скинут в пропасть истории капиталистов-душегубов... – Он запнулся, понимая, что зашел слишком далеко, но все-таки закончил фразу: – Мы прекратим кровопролитие и построим новое общество.

– А перед вами, молодой человек, и есть те самые «капиталисты-душегубы», которых вы только что изволили упомянуть, – недовольно пробубнил Гайденвурцель. – Так что ж получается: сначала мы дадим вам денег, а потом вы нас «в пропасть истории» сбросите?

– Ну что вы... – смутился гость. – Мы за свободные рыночные отношения, а контроль государства нужен лишь в части исполнения его обычных функций: охрана правопорядка, оборона границ и тому подобное.

– Допустим, – не успокаивался директор Торгового дома. – А как ваша РСДРП относится к религии?

– Положительно, – нетвердо произнес посланец и опустил глаза.

– Хорошо, если бы так... А то ведь я помню, как в Вильно в день Йом-Кипура активисты БУНДА натравливали учеников на своих мастеров, и юнцы, поджигаемые провокаторами, бросали камни в окна зажиточных единоверцев, а потом ворвались в синагогу, стали распивать пиво, сквернословить и приставать к молящимся. Разве это не плоды усилий БУНДА, который не так уж сильно отличается от вашей РСДРП? Неужели вы пойдете в революцию с этими забывшими свои корни юнцами? Или это вы их такими делаете? Если так, то вы нас разочаровали. Договариваться с людьми без моральных принципов невозможно. Неверующие, как каторжники, все равно рано или поздно обманут. Простите, но наличие бороды не делает козла раввином.

– К сожалению, вы меня неправильно поняли, – опустив глаза в стол негромко выговорил Лекарь. Его пергаментное лицо стало белым. Но, сделав над собой усилие, он продолжил: – Такое положение вещей нам совершенно чуждо. На последнем съезде РСДРП мы провозгласили программу подготовки совершения буржуазно-демократической революции, которая должна дать всем народам Российской империи равные права, в том числе и право свободного вероисповедания.

– В случае нашей помощи мы могли бы рассчитывать на благодарность новой власти? – спросил банкир, пробуравливая революционера острым взглядом.

– Безусловно. Не скрою, мы бы хотели сотрудничать с вами на постоянной... ежемесячной основе.

– Господа, мы совсем замучили гостя расспросами, – поднимаясь, заключил Моисей Соломонович и, щелкнув крышкой золотых часов, добавил: – Время вышло. – Он развернулся всем телом к визитеру, улыбнулся одними губами и спросил: – Как долго вы намереваетесь пробить в Киеве?

– Два-три дня.

– Вот и прекрасно. Сегодня мы обсудим ваше предложенье, а завтра в полдень в ресторане гостиницы «Гранд Отель», на Крещатике, двадцать два, вас будет ждать конверт с нашим ответом. Отобедаете за наше здоровье. Не беспокойтесь, я обо всем распоряджусь. В «Гранд Отеле» у нас открытый счет. Столик будет заказан на имя Семена Израилевича Гоцмана. Правильно? – Он хитро улыбнулся.

– Да-да, – смутился тот.

– Вот и славно.

– Весьма польщен знакомством, господа, – затряс бородкой гость. – Позвольте откланяться.

– Не смеем задерживать, – приторно улыбнулся Моисей Соломонович.

Едва за Якобсоном закрылась дверь, как появились лакеи с напитками и закусками. Гости перешли к ломберным столам. Электрический свет приглушили, и на портьерах, точно живые, заплясали тени. Подали поднос с нераспечатанными колодами дорогих глазетных карт. Началась игра.

3. Ротмистр Штарберг

Киевское губернское жандармское управление располагалось в доме № 10 по Илларионовскому проспекту. Именно из его дверей вышел высокий господин с длинными английскими усами, в модной фетровой шляпе модели «Хомбург», отличавшейся узкими, немного загнутыми полями и продольной вмятиной на тулье. Темно-синяя костюмная пара, белая сорочка с темным галстуком и лакированные туфли довершали его наряд. В руках он держал трость. На вид ему было лет тридцать пять. Только вот короткая стрижка, тяжелый внимательный взгляд и уверенная походка выдавали в нем военного. Ротмистр Штарберг служил в киевском жандармском управлении уже восьмой год. За это время он повидал немало. Приходилось проводить обыски, сидеть часами в засадах, участвовать в погонях. Чаще всего это происходило на Подоле, где цвели и множились сборища анархистов, эсеров, бундовцев, социал-демократов и сторонников Поалейциона. Однажды ему удалось даже отыскать подпольную типографию, устроенную в подвале заброшенного дома. Эта удача была бы невозможной без использования агентурной сети, которую Александр Петрович кропотливо плел все последние годы. Порой получались весьма интересные комбинации, когда информация от одного источника перепроверялась сведениями от другого. Такое случалось, если информаторы служили в одном и том же ведомстве и совсем не подозревали, что сообщают об одном и том же событии. Вот и сейчас он шел на встречу с агентом.

Ювелир Лейб Гиршман попал в разработку случайно. Виной всему была его жадность: семь лет назад он польстился на сомнительную сделку (соблазнила низкая цена) и купил золотой брусок весом в два фунта. Золото, как уверял посредник, имело совершенно чистое происхождение. Этот гешефтмахер получил профит дважды. Первый раз, когда покупатель и продавец выдали ему

проценты за то, что свел их вместе, а второй, когда, будучи агентом охраны, донес об этом Штарбергу. Сказать по правде, никаких сведений о преступном происхождении слитка ни у полиции, ни у жандармерии на тот момент не было.

Вербовка ювелира проходила по всем правилам. Сначала состоялся нелицеприятный разговор с глазу на глаз. Штарберг, будучи тогда еще штабс-ромистром, в красках обрисовал Гиршману его ужасное и недалекое будущее. Затем он молча выкурил папиросу и сполна предоставил жертве возможность воспользоваться собственной фантазией о своей незавидной доле в обществе воров, насильников и грабителей.

Когда маленькие пороссячьи глазки уже наполнились слезами и начала подрагивать нижняя губа, офицер принялся успокаивать его словами о том, что «не так уж страшен черт, как его малюют», что «хороший адвокат всегда может убавить срок», и что «в остроге тоже люди сидят»... Вот тут-то нервы торговца не выдержали, и он разрыдался по-детски, в голос. Не проронив ни слова, визави достал портсигар и, чиркнув карманной зажигательницей, пустил в потолок длинную струю дыма.

– Не губите! – взмолился коммерсант, вытирая мятым платком глаза. – Заплачу любые деньги, только в тюрьму не сажайте.

– Что ж, пожалуй, я готов сделать для вас одолжение, хотя... это будет совсем не просто, – ледяным голосом выговорил жандарм.

– Прошу вас!

– Но это только ради нашей дружбы.

– Спаситель! – прошептал Гиршман и громко высморкался в платок.

– И заметьте, вам моя помощь обойдется совершенно бесплатно. Придется лишь подписать кой-какую бумаженцию.

Ювелир замер и насторожился.

– Нет-нет, не волнуйтесь, – успокоил его офицер. – Это не вексель и не закладная. Речь вообще не идет о финансовом документе.

А дальше проходило все, как учили на курсах отдельного корпуса жандармов. Первые пять-семь дней после вербовочной беседы и подписки о согласии на сотрудничество вербовщик опекал своего подопечного, как мать первоклассника. Первая неделя – самое трудное время для человека, согласившегося быть доносчиком. Он не находит себе места и бесконечно сомневается в правильности сделанного им выбора. И здесь надобно его поддержать и убедить, что он уже служит отечеству. Видеться с ним следует каждые два-три дня. Имелись случаи, когда вербуемые, забытые куратором, накладывали на себя руки, оставляя покаянные письма.

Убедившись, что Браслет – а именно такое прозвище было присвоено Гиршману – спокоен и готов к работе, Штарберг назначил новое rendez-vous, во время которого новоявленный помощник получил первое, совсем пустяковое, задание. По теории вербовки оно и должно было быть простым и формальным, потому что носило проверочный характер и показывало лишь степень готовности агента к работе. Суть его заключалась в том, что в клубе «Аврора» Браслет должен был завести разговор о тяжелой доле его единоверцев в России, о цензе оседлости, запрете на право владения землей, о невозможности для молодежи выбрать любое образование, о том, что российское законодательство в основе своей дает евреям лишь право торговли, ростовщичества и маклерства. С поручением Гиршман справился на «отлично». С тех пор «Аврора» была под надежным надзором жандармского управления, а ювелир заработал себе репутацию поборника прав еврейского населения.

Прошло семь лет. Ювелир разбогател и открыл в Киеве еще два магазина. К торговле украшениями добавился и гешефт с часами. Теперь он торговал в Одессе, Харькове и Житомире. Если бы не война, то наверняка бы добрался и до Москвы, и до Петрограда.

Александр Петрович за эти годы получил лишь очередное звание и небольшую прибавку к жалованью.

Штарберг старался не беспокоить агента без особой надобности. Общались они, как правило, раз в месяц. А вчера Браслет сам протелефонировал своему куратору и попросил о срочной встрече. Место и время были обговорены заранее.

Завидев у перекрестка извозчика, ротмистр остановил закрытый экипаж и покатыл по мостовой.

4. Операция «Лекарь»

В Киеве стоял теплый майский вечер. В окне второго этажа на Илларионовской № 10 горел свет.

Начальник губернского жандармского управления полковник Алексей Федорович Шредель вел совещание.

– Итак, господа, давайте подытожим: завтра в полдень клуб «Аврора» прояснит свое отношение к финансированию эсдеков[7 - Эсдек (жарг.), (сокр.) – член социал-демократической партии (здесь: РСДРП)]. В ресторане гостиницы «Гранд Отель» неуловимый Наум Якобсон (Лекарь), находящийся во всероссийском розыске, получит конверт. В нем будет ответ, который и решит судьбу «Авроры». Посмотрим, как далеко зашли эти финансовые воротилы... С некоторых пор мне стало казаться, что они заигрались как в прямом, так и в переносном смысле. Но все решится завтра... – Полковник внимательным взглядом окинул подчиненных и добавил: – Операцию по задержанию Лекаря должны провести так, чтобы слово «неуловимый» к этому преступнику больше не применялось. Прошу высказать соображения по существу дела.

– Разрешите? – поднялся ротмистр Штарберг.

– Сидите-сидите, Александр Петрович, – махнул рукой начальник.

– Благодарю. Следует расставить наружное наблюдение по всему маршруту «объекта». Пусть филеры передают его друг другу. Необходимо задействовать максимальное количество людей. Своего штата нам не хватит. Придется обратиться за помощью в сыскную полицию. Причем нам нужны самые опытные агенты. Они должны заранее ожидать прихода Якобсона в зал ресторана. Думаю, за столиками хватит и двух человек. Также наши люди должны быть на кухне (с тем, чтобы не позволить Лекарю уйти через черный ход), на втором этаже и в мужской комнате (через окно ретирадника можно выбраться во

внутренний двор гостиницы). Двум агентам надлежит дежурить в вестибюле. Кроме того, свободный первый извозчик, так же как и водитель такси, должны быть из числа наших офицеров. Я буду во второй коляске.

– Позвольте, а где же вы собираетесь его брать? – Шредель вопросительно поднял брови.

– Задержать Якобсона мы можем только после того, как он покинет гостиницу и проедет на извозчике или автомобиле хотя бы два квартала. Никак не раньше. В противном случае всем будет ясно, что на него навели старшины «Авроры». В итоге мы не только рискуем потерять доверие эсдеков к клубу, но и ставим под удар нашего агента. Кроме того, я вполне уверен, что и сами старшины захотят выяснить, каким образом и от кого мы узнали о посланце РСДРП. И если даже Браслет окажется в безопасности, то проку от него уже не будет, поскольку «Аврора» побоится устраивать подобные встречи и останется чисто игровым клубом. Брать Лекаря буду лично я.

– А вы что скажете, Илларион Максимович? – постукивая карандашом о стол, выговорил начальник и посмотрел на своего помощника.

– У меня, Алексей Федорович, иное мнение, – не вставая, ответил ротмистр Мазельский – высокий, сухощавый офицер с аккуратными усиками под слегка крючковатым носом и набриолиненными волосами. – Я глубоко убежден, что задерживать Лекаря нужно у стойки портье. Во-первых, табльдот к полудню уже закончится. Во-вторых, находясь в зале, преступник окажется в своеобразной мышеловке. И здесь я вполне соглашусь с Александром Петровичем в отношении всех расставленных постов, кроме тех, что на улице. За счет их у нас освободятся филеры, которых мы можем использовать внутри гостиницы. Что касается опасения в отношении Браслета, то пора бы вообще разогнать этот карточный вертеп вольнодумства. Знаете, я бы с удовольствием пообщался с каждым из этих денежных мешков в своем кабинете. Уж больно далеко зашли эти господа, и пора их ставить на место.

– Я полностью согласен с Илларионом Максимовичем, – заключил Шредель. – Операцию пора завершать. Арестовывать Наума Якобсона надо не в зале ресторана, а в вестибюле. Так безопасней. После того как объект прочтет письмо, официант должен будет пригласить его к телефону. (Скрутить Лекаря легче, когда его правая рука занята телефонной трубкой.) Звонок должен раздаться сразу после того, как официант (переодетый наш офицер) принесет

ему конверт. Сообразно этому расставьте посты. Руководство операцией «Лекарь» возлагаю на вас, Илларион Максимович. Что касается судьбы Браслета, то свою задачу он выполнил. Надобно его отблагодарить. – Он повернулся к Штарбергу. – Александр Петрович, подготовьте свои соображения на этот счет. Вот и все. А дальше – поживем-увидим-с. С богом, господа!

Когда дверь за офицерами закрылась, полковник расстегнул верхнюю пуговицу мундира и откинулся на спинку кресла.

5. Прогулка

26 мая 1916 г., четверг

Что может лучше и быстрее утешить женщину после долгой разлуки с любимым человеком? По мнению Клима Пантелеевича, на это годились только две вещи: любовь и дорогой подарок. И если с первым слагаемым проблем у Ардашева не было, то чтобы обрести второе, требовалось на следующий день посетить хотя бы несколько магазинов. Именно посетить, а не привезти презент с собой, потому что нет выше наслаждения для дамы, чем сладостное предвкушение скорого обладания предметом своего вожделения, с непременно фланированием у витрин, прилавков и полок, когда каждый раз сомневаешься, та или эта вещица тебе нужна?

Признаться, сама Вероника Альбертовна не могла ответить на вопрос, чего же ей, в самом деле, не доставало. И, переходя от одного магазина к другому, она все больше затруднялась в выборе подарка. Сие обстоятельство не ускользнуло от внимания Клима Пантелеевича. Дабы не проводить весь день в бесконечных скитаниях по Крещатику, он предложил зайти в один из ювелирных магазинов, который встретился на их пути еще на Царской площади.

– Позволь, дорогая, – сказал Ардашев, – подарить тебе часы. Твоя модель уже вышла из моды, да и к тому же там нет драгоценных камней, а это несправедливо по отношению к такой красавице, как ты.

Вероника Альбертовна зарделась, точно юная гимназистка. И трудно было сказать, какие именно слова были ей более приятны: о часах или о красоте. Да и какая разница? «Спасибо тебе, господи, – мысленно проговорила она, – что, несмотря на мой уже забальзаковский возраст, Клим по-прежнему в меня влюблен». Она зажмурилась и улыбнулась совсем по-детски, как когда-то радовалась теплему солнечному лучику, будившему ее летним утром или пушистому котенку, с которым играла на улице. А вообще-то, если говорить честно, она была счастлива рядом с мужем. Правда, иногда это счастье становилось беспокойным и напоминало разорванное в клочья небо во время грозы. Такое случалось, особенно тогда, когда он брался за расследование какого-нибудь опасного дела. Поиски преступника иногда ставили бывшего присяжного поверенного на край гибели, но – и опять хвала Вседержителю! – ему всегда удавалось выйти победителем. «Видимо, у Климушки много ангелов-хранителей, – рассуждала она. – А что будет, когда он исчерпает отпущенный ему лимит небесного покровительства?» В такие минуты, не найдя успокоительного ответа, Вероника Альбертовна старалась отогнать от себя плохие мысли, справедливо полагая, что они могут принести в их дом несчастье.

Между тем ювелирный салон «Часы и драгоценности Л. Гиршмана» уже отворил перед посетителями дубовые двери. Звякнул входной колокольчик. За стойкой засуетился приказчик. Напротив, у окошка с надписью «Починка хронометров», копошился какой-то старик в пенсне.

– Чем могу служить? – склонив голову в вежливом поклоне, осведомился полный господин с лысиной, которую чуть прикрывали редкие волосы. Господин источал запах одеколona «Гелиотроп», находился в прекрасном расположении духа и был явно доволен собой. «Вероятнее всего, это не приказчик, а хозяин, – рассудил статский советник. – Об этом говорят два перстня-печатки, жемчужная заколка в галстукe и толстая цепочка золотых часов, свисающая с жилетного кармашка. Как известно, иногда приказчики ювелирных салонов надевают на себя побрякушки, чтобы показать товар лицом... Но вот дорогой коверкотовый костюм, пошитый по английскому фасону, обошелся его обладателю рублей в тридцать-сорок. А это месячное жалованье продавца. Стало быть, нас обслуживает сам хозяин».

– Мы бы хотели выбрать золотые дамские часы, украшенные камнями, – пояснил Ардашев.

– Да-да, вы пришли по адресу, – задыхаясь от свалившейся на голову удачи, выпалил ювелир. Он улыбнулся, но, видно, от волнения у него свело скулы, и вместо улыбки на лице застыла гримаса не искренней радости, а излишнего подострастия. – Соблаговолите полюбопытствовать, специально для вас, можно сказать, хранил... знал, что вот-вот появится серьезный покупатель. – Он вынул из-под прилавка красную коробочку. – Брежет, двухкрышечное исполнение (верхняя – золотая, нижняя – платиновая – усыпана алмазами). – Негоциант щелкнул механизмом. – Эмалевый циферблат с ажурно исполненными римскими и арабскими цифрами. С ним удачно сочетаются изящные стрелки. Стекло оптическое, полированное. Механизм собран на пятнадцати рубиновых камнях. Прилагается золотая поясная цепочка. И цена – сущий пустяк! – всего тысяча рублей. Согласитесь, для такого произведения ювелирного искусства это не деньги. Есть еще и часы-кулон, но они, сказать по правде, не составят конкуренцию этой вещице.

Вновь раздался звон входного колокольчика, и внутрь вошла довольно приметная пара: очаровательная брюнетка лет тридцати шести в голубой шляпке, с едва заметной родинкой над верхней правой губой, а за ней статный молодой господин с тростью, в костюме и котелке.

– Простите, покину вас на минуту, – извинился ювелир и шагнул к покупателям.

– Нравится? – осведомился Клим Пантелеевич у жены.

– Да-а! – восхищенно выдохнула она.

– Тогда берем.

– Милый, ты меня балуешь, – пропела на ухо мужу Вероника Альбертовна.

– Нет-нет, я просто люблю тебя, – шепнул он.

В это время до статского советника донесся голос незнакомца, который разговаривал с заметным польским акцентом. Оказывается, он тоже решил преподнести даме часы, украшенные дорогими камнями. Хозяин на миг растерялся, но потом ринулся к витрине и вернулся уже с кулоном, о котором только что упоминал. Пока парочка рассматривала изделие, ювелир вновь возник рядом с Ардашевыми.

– Определелись? – заискивающе осведомился он.

– Да, мы покупаем эти часы.

Клим Пантелеевич достал из портмоне десять радужных[8 - Радужная – банкнота достоинством в 100 рублей. (Прим. авт.)] и положил на витрину.

Коробочка с часами была тут же упакована и вручена счастливой обладательнице редкого брегета.

– Пожалуй, покупку надобно обмыть. Предлагаю позвонить твоей кузине. Пусть подъезжают с Терентием на Крещатик, посидим где-нибудь.

– Прекрасно...

Испросив разрешения воспользоваться телефоном, Клим Пантелеевич переговорил с Могилевскими. Они были еще дома и с радостью приняли предложение. Терентий Петрович рекомендовал посетить ресторан гостиницы «Гранд Отель», который находился на Крещатике под номером 22. Встретиться договорились без четверти двенадцать.

Уже на улице, улыбаясь, Клим Пантелеевич проговорил:

– Итак, до нашего праздничного обеда еще уйма времени. Предлагаю осмотреть город. Надеюсь, ты будешь моим чичероне?

– Я бы с удовольствием, но, если честно, кроме нескольких магазинов, я ничего не знаю, – опутив глаза, проронила супруга.

– Сей факт прискорбный, сударыня, – покачал головой Ардашев. – Но ничего. Попробую устранить этот недостаток. Тогда слушай. Начнем с Крещатика. Трудно поверить, что еще пятьдесят лет назад на месте этих величественных особняков стояли одноэтажные хатенки, обнесенные дощатыми заборами, выкрашенными в неприятный желтый цвет. Все изменилось с появлением железной дороги. Город стал быстро отстраиваться. Расцвела торговля, поднялась промышленность. В конце концов Киев превратился в то, что ты видишь. Сегодня здесь проживает полмиллиона человек. А свое название

Крещатик получил от источника, ставшего местом крещения киевлян. Тогда он находился в самом конце Крещатицкой долины. Протяженность улицы – более версты. Она начинается отсюда, от Царской площади, и заканчивается у площади Богдана Хмельницкого, ее еще называют Бессарабкой. А вообще в Киеве восемнадцать площадей, двести тридцать две улицы и шестьдесят девять переулков.

– Откуда ты это знаешь, если раньше здесь никогда не бывал?

– У меня есть привычка: перед тем как ехать в незнакомый город, я стараюсь как можно больше о нем прочитать и изучить карту местности. Собственно, этим я и занимался всю дорогу. Зато нам теперь не нужен гид.

– А Днепр глубокий?

– Не очень. Здесь, у Киева, по фарватеру от пяти до девяти аршин. Правда, низменности ежегодно затапливаются весенним разливом. Весной 1845 года вода поднялась почти на одиннадцать аршин выше обычного уровня.

– Может, ты мне еще скажешь, чей это особняк? – кокетливо справилась супруга.

– Это здание Купеческого клуба. Его возвели еще в 1882 году. Говорят, строительство обошлось купеческому собранию в сто сорок тысяч рублей. На втором этаже размещена одна из лучших концертных зал Киева, она рассчитана на тысячу зрителей.

– У тебя феноменальная память! А это памятник императору Александру II?

– Да. Его воздвигли пять лет назад, в ознаменование пятидесятилетия освобождения крестьян от крепостной зависимости. Автор – итальянский скульптор Ксименес Этторе. Давай подойдем поближе.

Царь-освободитель стоял в мантии с непокрытой головой. У подножия высокого пьедестала из розового гранита была запечатлена бронзовая группа, изображающая Россию и крестьян, благодарных за дарованную им свободу. К боковым колоннам пьедестала, соединенным полукруглым парапетом, прислонились две аллегорические группы, олицетворяющие Милосердие и

Правосудие. А на центральной колонне, под статуей императора – двуглавый орел с надписью: «Освободителю-царю благодарный Юго-Западный край. Год 1911».

К монументу вела лестница из серого гранита с двумя боковыми выступами. На них были установлены канделябры с электрическим освещением.

– Деньги на памятник собирали всем миром, по подписке. Он обошелся в двести тысяч рублей. Во время его освящения присутствовала вся императорская семья.

Постояв немного на площадке, Вероника повернулась и, указывая на величественное здание с высокими арочными окнами второго этажа, спросила:

– А это что? Университет?

– Нет. Это Городская публичная библиотека. Она построена несколько лет назад. В ней насчитывается полмиллиона книг, то есть по книге на каждого жителя.

Ардашевы вновь вышли на Крещатик и направились в сторону Думской площади. Навстречу шагали студенты, прогуливались военные, торопились куда-то приказчики и кухарки. По дороге, шурша шинами, проносились автомобили. За ними, отбивая подковами одну и ту же незамысловатую чечетку, неторопливо следовали экипажи и бежал по маршруту беспокойный трамвай № 2, оповещая прохожих треньканьем электрического звонка. На задней площадке нервно курил какой-то пассажир. Ночной дождь прибил к брусчатке пыль, и от этого город казался чистым. Пахло сиренью и зеленью каштанов. Пройдя здание Главпочтамта, Клим Пантелеевич заметил виднеющуюся впереди вывеску: «Гранд Отель». Саженой через сто на серой стене уже читался двадцать второй номер дома.

До встречи с Могилевскими оставалось совсем немного времени.

6. Спасительная трость

А бигос греется; сказать словами трудно

О том, как вкусен он, о том, как пахнет чудно!

Слова, порядок рифм, все передашь другому,

Но сути не понять желудку городскому!

Охотник-здоровяк и деревенский житель —

Литовских кушаний единственный ценитель!

Но и без тех приправ литовский бигос вкусен,

В нем много овощей, и выбор их искусен;

Капусты квашеной насыпанные горки

Растают на устах, по польской поговорке.

Капуста тушится в котлах не меньше часа,

С ней тушатся куски отборнейшего мяса,

Покуда не проймет живые соки жаром.

Покуда через край они не прыснут паром

И воздух сладостным наполнят ароматом.

Готово кушанье...

Адам Мицкевич, перевод С. Мар (Аксеновой)

В зале ресторана народа было не много. Тихо, под спущенный модератор, играл рояль. За столиком сидели Могилевские и Ардашевы.

– Знатный подарок! – разглядывая коробку с часами, восхитился Могилевский.

– Умеет Клим угодить жене, ничего не скажешь, – вторила мужу Елена.

Увидев нетерпеливо-блуждающий взгляд официанта, Терентий Петрович спросил:

– Ну что, дорогие мои, разобрались с меню? Пора заказывать.

– Тут столько названий, что я, право, запуталась, – призналась Вероника Альбертовна, листая объемистую папку.

– Помнится, в Ставрополе Клим угощал меня всякими изысками кавказской кухни. Никогда не забуду его хитрую выдумку с бараниной по-чабански. Мясо, завернутое в баранью шкуру, жарилось под костром, в земле. Да, удивил ты меня тогда!

– Это его любимый трюк, – гордо заметила Вероника Альбертовна.

– А сейчас позвольте мне удивить вас. Давайте-ка я сам закажу что-нибудь интересненькое из старых польских рецептов.

– Терентий большой знаток старопольской кухни. Доверьтесь ему – не пожалеете, – посоветовала Елена.

– Именно так мы и поступим, – улыбнулся Клим Пантелеевич.

Поймав взгляд гостей, официант мигом очутился рядом.

– Чего изволите? – прощепетал он.

– «Цомбер из кабанины в соусе из боярышника», «флячки по-польски» с пульпетами, «бигос», «картофель по-пастушьи»... ну и выпить: господам «Лонцкую сливовицу», а дамам – крупник с медом и травами.

– А разве в Киеве сухой закон не действует? – удивился Ардашев.

– Действует, конечно, – рассмеялся Могилевский. – Но для таких клиентов, как я, «Гранд Отель» делает исключения. – Он вновь продолжил заказ: – На десерт – чай с шафраном и мазурек.

– Все будет готово и подано через двадцать минут. Не извольте беспокоиться, – выговорил официант, поклонился и исчез.

– А ты, Терентий, и впрямь большой дока в польской кухне, – сказал Ардашев.

– Спасибо Войцеху Станиславовичу.

Увидев непонимание в глазах Клима Пантелеевича, он пояснил:

– Мыловаренное дело я купил сразу после отставки. Управляющего оставил прежнего. Он поляк. Фамилия его Дрогоевский. Умудряется завозить к нам морем розовое масло из Болгарии через нейтральную Румынию в Одессу. Суда под румынским флагом ходят свободно. Приходится изворачиваться. А куда деваться? Война... Войцех – образцовый работник. Есть, правда, у него две слабости: дамы и чревоугодничество. До первого мне нет никакого дела (это проблемы его жены), а вот ходить с ним в ресторан очень полезно. Настоящий гастроним. Закажет все самое лучшее. Вот и в польской кухне я поднаторел только лишь благодаря ему. Он, его помощник и я иногда в картишки поигрываем. В нашу компанию входят несколько человек. Может, метнем банчок вместе?

– Отчего бы и нет? – согласился Ардашев.

В этот момент Клим Пантелеевич обратил внимание на молодого человека, усевшегося через два столика напротив. Случайно они встретились взглядами, и статский советник вдруг вздрогнул, точно по его телу пропустили электрический заряд. «Да, это он – Якобсон Наум Шмулевич. Разыскивается за несколько убийств. То ли анархист, то ли бундовец. Я видел его фото на одной из станций. Только в полицейском листке всеимперского розыска он был без усов и бороды. Но взгляд тот же самый: смотрит в упор, точно ствол на тебя направил и приготовился нажать на спусковой крючок». Ардашев незаметно огляделся. «Ага! Да он под присмотром! Только как-то топорно филеры работают, если я их сразу раскусил. А вот и официант. Получил заказ и ушел. Но почти сразу вернулся. На подносе чашка кофе и еще что-то. Конверт? Да. Он распечатал письмо. Прочитал. По лицу пробежала судорога. Дважды отхлебнул горячий кофе и поставил. У дверей возник портье. Он прошел через всю залу. Официант тем временем прошмыгнул в вестибюль. Все сходится. Я не ошибся. Надо действовать...»

– Простите, я на минуту, – тихо проговорил Ардашев и поспешил к выходу.

– Куда это он с тростью? – удивился отставной статский генерал.

– Сказал на минуту, – неуверенно пожала плечами Вероника Альбертовна. Она обратила внимание, что рядом со столиком незнакомца появился портье, который что-то ему сообщил. Оставив на белой скатерти несколько монет, тот взял шляпу и, опустив руку в карман пиджака, проследовал за служащим гостиницы.

Едва за ними закрылась дверь, как двое господ бросились в вестибюль. Но почти сразу оттуда донесся выстрел, потом еще один, послышался звон разбитого стекла, крик «стой!» и чье-то захлебнувшееся «аа-а!»...

Все произошло так стремительно, что сидящие в зале посетители не сразу поняли, в чем дело. Тапер продолжал играть, как будто ничего не случилось. Первым пришел в себя Могилевский.

– Там же Клим, – растеряно пробормотала Вероника Альбертовна. – Его могли убить...

– Оставайтесь здесь. Я во всем разберусь. Уверен – с ним все в порядке, – успокоил дам Могилевский.

Терентий Петрович оказался прав. Когда он приоткрыл двустворчатую дверь, то увидел следующую картину: в аршине от гостиничной стойки лицом вниз лежал портье. Он был мертв. Пуля, судя по всему, угодила ему в сердце. Чуть поодаль от него, истекая кровью, с пробитыми легкими, хрипел знакомый официант, а у самых парадных дверей, с проткнутой шеей червяком извивался на полу тот самый господин Якобсон, сидевший за два столика от них. Вдруг он дважды вздрогнул и испустил дух. Рядом с ним валялся «браунинг». Ардашев стоял тут же, наблюдая за последними конвульсиями анархиста. Он был совершенно спокоен. В правой руке Клим Пантелеевич сжимал ручку трости, которая переходила в длинный заостренный клинок. В левой – он держал ножны. Прямо в лицо Ардашеву смотрели два ствола. Один из их обладателей, увидев Могилевского, приказал:

– Назад. Из залы не выходить.

Бледный от страха, на ватных ногах, Терентий Петрович вернулся к столику и упал на стул.

– Ну что? Что с Климом? Он жив? – дрожащим голосом вымолвила Вероника Альбертовна.

– Да-да, с ним все в порядке, – глядя куда-то в сторону еле слышно пробормотал Могилевский. – Но, по-моему, он только что убил человека...

– Аа-а! – вскрикнула Вероника Альбертовна и потеряла сознание. Ее руки плетью упали вниз.

7. Рваная купюра

Допрашивать Ардашева стали только через полчаса после задержания. Все это время он ютился на табурете в темном помещении с низким потолком, без окон, напоминавшим большой гроб. Наконец дверь отворилась, и под охраной его провели на второй этаж.

В просторной светлой комнате, под портретом государя, восседал жандармский офицер и что-то писал ровным каллиграфическим почерком. Он молча указал на стул, промокнул деревянным пресс-папье лист, и, подняв глаза на Ардашева, сказал:

– Я ротмистр Штарберг. А кто вы такой?

– Клим Пантелеевич Ардашев, статский советник МИДа.

– Да? Это в министерстве иностранных дел учат убивать одним ударом потаенного кинжала? – ротмистр буравил Ардашева немигающим взглядом. – Неужто после всего, что случилось в «Гранд Отеле» вы будете продолжать настаивать, что вы служащий МИДа?

– Именно так, – спокойно ответил Клим Пантелеевич и, посмотрев куда-то в угол, устало заметил: – Послушайте, я уже многократно отвечал вам на этот вопрос, когда мы ехали в автомобиле. Если вас не устраивают мои документы, пошлите запрос на Певческий мост[9 - Так называли МИД по месту нахождения здания. (Прим. авт.)] по телеграфу. Все сразу станет на свое место.

– В том-то и дело, что телеграмма отправлена, а ответа до сих пор нет.

– А кому вы ее адресовали?

– Что значит «кому»? В МИД...

– Я же говорил вам, что следовало обратиться к моему непосредственному начальнику – князю Мирскому, либо в отдел Ближнего Востока. В противном случае бюрократические проволочки могут затянуться на целые сутки. Один чиновник отпишет бумагу другому, тот – третьему...

– Ничего, подождем. Нам торопиться некуда.

– Зато я глупо трачу время своего отпуска. Вот и помогай после этого людям. Вместо благодарности сажают в чулан, допрашивают...

В этот момент в комнату вошел начальник губернского жандармского управления. В руках он держал картонную папку и трость Ардашева. Ротмистр поднялся.

– Продолжайте, Александр Петрович, продолжайте, – махнул рукой полковник и опустился на стул.

– Следующий вопрос: почему перед тем, как портье подошел к столику, за которым сидел государственный преступник, вы поспешили в вестибюль?

– Боюсь, ответ будет вам неприятен: во-первых, этот молодой человек обратил на себя мое внимание тем, что сильно нервничал; и вот тогда я вспомнил, что видел его фотографию на станции, как лицо, находящееся во всеимперском розыске; это был Якобсон Наум Шмулевич; во-вторых, мне не составило большого труда заметить филеров; в-третьих, самую большую и

непростительную ошибку совершил ваш человек, выдававший себя за портье. Зайдя в залу, он должен был прежде справиться у официанта, за каким столиком сидит господин такой-то, то есть тот, кого просили к телефону. Ему ведь наверняка назвали только фамилию посетителя. Но откуда он мог знать, где тот находится? Вообще такое возможно лишь в том случае, если портье лично знает гостя. Других вариантов быть не может. Однако это обстоятельство было полностью проигнорировано, и портье сам зашагал к «объекту». Этим, я уверен, он и выдал себя. В-четвертых: официант сразу поспешил в вестибюль. Стало быть, решил я, там и будут брать этого преступника, который уже наверняка почувствовал неладное и окажет сопротивление. Именно поэтому, я и спрятался за ближайшей к зале колонной. И когда этот ваш анархист, эсер или эсдек – уж простите, не знаю, кто он на самом деле, – застрелил сначала портье, а потом пулянул в официанта, я, находясь от него на расстоянии вытянутой руки, пустил в дело клинок из трости. Понятно, что гораздо лучше было бы взять его живым. Но дело в том, что я оставил «браунинг» в доме своего родственника. Подумал: день, Крещатик, прогулка, ну что здесь может случиться? Ан нет, случилось! Рисковать в данной ситуации было очень опасно. Этот сумасшедший революционер легко бы продырявил меня, замешкайся я хоть на мгновенье. Так что не обессудьте, господа, что так получилось. Хотел вам помочь...

– К сожалению, Клим Пантелеевич, мы вынуждены признать вашу правоту, – вмешался в разговор полковник. – Да, один наш офицер был убит сразу, а другой – ротмистр Мазельский – скончался в больнице. Пуля так разворотила его легкие, что спасти Иллариона Максимовича не было никакой возможности. Доктора оказались бессильны. – Заметив недоуменный взгляд ротмистра, Шредель пояснил: – Мы получили ответ из МИДа. Более того, мне протелефонировал сам князь Мирский. Он поведал мне о ваших достижениях еще в ту пору, когда вы были присяжным поверенным в Ставропольском окружном суде. Знаете, я вспомнил, что несколько лет назад читал, как вы раскрыли запутанные убийства на борту парохода «Королева Ольга»... А тайна персидского обоза?.. Я тогда все никак не мог поверить, что такое возможно. Хотел бы выразить вам свое почтение. – Он поднялся и протянул руку: – Начальник губернского жандармского управления полковник Шредель, Алексей Федорович.

Ардашев поднялся, и, отвечая на рукопожатие, сказал:

– Рад, что это небольшое недоразумение разрешилось.

- Приношу вам свои извинения, – смущенно вымолвил ротмистр. – Сами понимаете, служба...

- Ничего-ничего...

- А вы надолго к нам? – осведомился полковник.

- Может быть, на неделю или дней на десять.

- Так мало?

- Даже много, – усмехнулся статский советник. – Поляки говорят: «Гость и рыба на третий день пахивают».

- А я, грешным делом, уверовал, что мы сможем воспользоваться вашими советами. Помнится, читал где-то, что нет таких преступлений, которые вы не смогли бы раскрыть. Жаль, – вздохнул полковник и, помедлив в нерешительности, вынул из папки половинку разорванной десятирублевой купюры, которую и протянул Ардашеву.

- Тут вот что... Нашли в кармане убитого. Что скажете?

Клим Пантелеевич повертел в руках часть банкноты, посмотрел на свет и заключил:

- Полагаю, что это своеобразный пароль. Вторая часть должна иметь не только одинаковый номер, но и подходить во всех точках разрыва. Выходит, этот ваш эсер...

- Социал-демократ, – уточнил ротмистр.

- Пусть так. Ясно, что он собирался с кем-то встретиться. А откуда он следовал?

- Из Швейцарии. Об этом говорит отметка в его поддельном загранпаспорте.

– Стало быть, – продолжал рассуждать Ардашев, – его ожидает человек, который профессиональным революционером, по-видимому, не является.

– Отчего вы так решили? – насторожился полковник.

– Эту часть ассигнации ему выдали еще за границей. Вероятно, тот второй не из его круга. Своим незачем устраивать этот шпионский цирк. Ведь эту половинку, скорее всего, оторвали здесь и отвезли за границу. Революционерам такие премудрости чужды. Так бывает, когда сводят людей из совершенно разных организаций, либо... если резидент отправляется на встречу с агентом.

– Ого, куда вы клоните! – покачал головой начальник жандармского управления. – Если это так, то придется связываться с военной контрразведкой... Хотя, я полагаю, дело останется у нас. Убитый – политический преступник. Однако спасибо вам, Клим Пантелеевич, за помощь. – Он протянул трость. – Вот ваше грозное оружие. Возвращаю. Для следствия оно никакого значения не имеет. Я приказал, чтобы его отмыли от крови.

– Благодарю.

– Однако я обязан спросить, имеется ли у вас разрешение на трость с потаенным кинжалом? Вам, должно быть, известно, что согласно статье двести восемнадцатой «Свода Уставов о предупреждении и пресечении преступлений» «запрещается всем и каждому: первое – носить оружие, кроме тех, кому закон то позволяет или предписывает, и второе – носить трости со встроенными в них потаенными кинжалами, клинками и другими орудиями».

– Разрешение на «браунинг» и трость я могу вам представить. Они находятся среди моих вещей в доме господина Могилевского.

– В этом нет надобности. Достаточно вашего слова. Простите за дотошность, но я не мог не задать вам этого вопроса. Вас доставят на нашем автомобиле. Не обессудьте, если что-то не так...

– Нет-нет, я не в претензии. Позвольте откланяться. Дома, наверное, переживают.

Когда Ардашев уже подошел к двери, полковник окликнул его:

– А все-таки, Клим Пантелеевич, если вы еще не уедете в Петроград, можем ли мы рассчитывать на вашу помощь хотя бы советом?

– Безусловно.

– Ловлю на слове, – улыбнулся Шредель.

– Ах да, простите, – повернулся Ардашев, – чуть не забыл: купюра-то фальшивая.

– То есть как? – воскликнул ротмистр.

– Серия у нее «KR» вместо «КЯ». Латинских букв на наших ассигнациях не бывает. Честь имею, господа.

8. Букет из ассигнаций

27 мая 1916 г., пятница

I

Баронесса Мария Константиновна Красицкая чувствовала себя теперь на двадцать лет моложе, то есть, шестнадцатилетней. Ровно столько ей было, когда она первый раз влюбилась. Тогда ей вскружил голову красавец юнкер из пехотного училища, приехавший в соседнее имение погостить к своей тетушке. Она хорошо помнила и первое свидание, и первый поцелуй... Их тайные, так неожиданно начавшиеся встречи так же внезапно оборвались, как и начались. Скоропостижно скончалась мать молодого человека, и он уехал в Киев.

Потом было замужество, продолжавшееся до сих пор, но той остроты ощущений, которые она испытывала с мужем в первые годы совместной жизни, уже не было. Чувства притупились, как старые, поеденные ржавчиной ножи, а потом и вовсе исчезли. Она продолжала жить по инерции с уже немилым супругом, но

где-то в глубине души надеялась встретить человека, который любил бы ее так, как когда-то тот юнкер, слагавший в ее честь стихи.

Только чудеса, если в них верить, иногда случаются. Всего месяц назад, коротая время в очередной скучной прогулке по магазинам Фундуклеевской улицы, она ненароком оступилась и сломала каблук. Ее повело в сторону, но незнакомец, проходивший мимо, подхватил ее за локоть. Оглянувшись, она увидела высокого мужчину лет двадцати пяти, с черными американскими усиками. Он улыбнулся, тут же остановил извозчика, и они вместе доехали до ближайшего обувного салона, где Мария выбрала себе новую пару. Только вот расплатиться молодой человек ей не дал, а сделал это сам. А потом предложил выпить шампанского по случаю новой покупки. Мария согласилась, и он взял отдельный кабинет в «Континентале». Незнакомец наговорил ей бездну *des jolis riens* (милых пустячков). Домой она вернулась за полночь, но все равно раньше мужа, который все пятничные вечера часто засиживался за картами до утра.

Григорий – так звали нового возлюбленного – имел семью, в браке был несчастлив, но тоже опасался скандалов. Поэтому они встречались всегда в разных гостиницах или меблированных комнатах. Кстати, он именовал себя графом и оставил ей свою визитную карточку. Правда, попросил, чтобы она ее спрятала подальше.

После первого знакомства прошел месяц. С самого первого дня Григорий пытался делать ей подарки, но она всегда убеждала его забирать их назад – боялась, что муж заподозрит измену. И тогда, устав от ее отказов, он преподнес ей букет из ассигнаций. Это были розы, свернутые из сотенных купюр. Они были как настоящие, только из денег, и были выполнены на заказ. «Представляю, как удивилась мастерица, когда ей поручили выполнить эту работу, – подумала Мария и улыбнулась приятным воспоминаниям». Да, она спрятала «розы» в комод. А что было еще с ними делать? Развернуть и отнести в банк? Жалко... А вчера она все-таки пошла навстречу его уговорам и разрешила подарить ей золотые часы-кулон. Теперь они лежали здесь, в ее прикроватной тумбочке. Ничего страшного, мужу она скажет, что купила их сама.

Глядя в потолок, словно на экран синематографа, баронесса вспоминала вчерашний вечер: ювелирный салон, ресторан «Ренессанс» на Прорезной, отдельный номер в отеле, его сильные и такие нежные руки...

Из приятного забытья ее вывел зуммер электрического звонка.

Хозяину ювелирных и часовых магазинов Лейбе Гиршману грех было жаловаться на свою судьбу. Выросший в маленьком штетле[10 - Штетл (идиш) – городок или поселение с преобладающим еврейским населением. (Прим. авт.)], в семье часового мастера, он рано проявил интерес и к накопительству, и к родительскому ремеслу. Уже в семнадцать лет, после смерти отца, Лейб унаследовал его крохотную мастерскую. На этом он не остановился, а пожелал освоить еще и ювелирное дело. Так уж случилось, что в пайке, огранке и шлифовке он выдающихся успехов не достиг, зато научился выгодно продавать работы малоизвестных мастеров, открыв небольшой магазинчик, куда ювелиры-одиночки отдавали свои изделия. За первым магазином последовал второй, потом третий... В последние годы к ювелирному гешефту добавился и часовой, а война, как ни странно может показаться на первый взгляд, только способствовала увеличению продаж. В этом не было ничего удивительного: инфляция росла, курсы валют падали, и неизвестность завтрашнего дня заставляла состоятельных киевлян сметать с полок ювелирных магазинов любой товар. Золото, платина и драгоценные камни всегда оставались главными и самыми надежными вложениями в трудные времена. Скупали все, даже золотые и платиновые коронки в зубоучастных кабинетах.

Лейб Меерович был совершенно уверен в том, что успех его не был случаен. А разве могло быть иначе? Ведь он свято выполнял правила, которые ему прививали с детства: честно вел дела, не терял понапрасну времени, держался подальше от плохих людей, не говорил лишнего, не гневался, старался быть приветливым, не наживал врагов, отдавал долги и вовремя платил жалованье своим работникам. Даже сотрудничество с ротмистром Штарбергом стало для Гиршмана скорее благом, чем злом. Теперь благодаря жандарму он чувствовал себя вполне защищенным от разного рода мелких неприятностей. Именно мелких, но не крупных, как это случилось второго дня. «Надо же так вляпаться! Только все наладилось – и на тебе! Этот франт с американскими усиками подсунул мне столько фальшивых купюр. Ладно бы только червонцы. Но что, если еще и сотенные?.. Они гроша ломаного не стоят», – расстраивался негоциант и его лоб покрывался испариной.

Правда, подделку он определил не сразу, а только в полдень следующего дня. Гирш обратил внимание, что вторая буква серии на «красенькой» указана «KR» вместо «КЯ».

Отпустив раньше времени старика часового мастера и его молодого помощника, он закрыл магазин и зашагал – благо тут было недалеко – на Крещатик, 16, где располагалось «Киевское учетно-ссудное общество взаимного кредита». Лазарь Самуилович Шефтель – управляющий банком и один из старшин «Авроры» – был на месте. Он выслушал Гиршмана и, взяв червонцы и «радужные», самолично отправился к кассиру. Вернулся минут через двадцать. Вердикт его был неутешителен: все ассигнации фальшивые. И если десятки можно было распознать по ошибочной букве «R», то для сотенных пришлось использовать специальный микроскоп. Только с его помощью удалось заметить небольшие дефекты бумаги по краям купюры, которая ворсилась сильнее допустимого. Впрочем, определить это было не так просто.

Ювелир закрыл лицо руками.

– Слушай, Израиль, наш Бог есть Бог единый... – залепетал он молитву, но прервался и сказал: – Я потерял целых пятьсот тридцать рублей! Это немалые деньги. Может, попытаться ими где-нибудь расплатиться?

– Гоните такие мысли прочь! – строго заметил банкир. – Вы зарабатывали свою репутацию годами, но можете лишиться ее за одну минуту. Как только вскроется факт использования вами подделки, полиция примет вас за одного из участников шайки фальшивомонетчиков. Если вам не дорога собственная жизнь, то подумайте хотя бы об «Авроре». Пятно на вас – пятно на всех членах клуба.

– Что же мне делать? – потирая переносицу, спросил Гиршман.

– Велик и милостив наш Адонай![11 - Адонай (иврит) – Господь. (Прим. авт.)] Он обязательно поможет... Забудьте об этих деньгах. Оставьте мне несколько банкнот в качестве образцов для моих кассиров. Остальные – заберите себе. Пусть они будут для вас напоминанием о том, что нужно быть внимательным и осторожным. Мне кажется, сейчас не стоит уведомлять об этом полицию. Кто знает, насколько они вам поверят.

– Вы правы, – вздохнул Лейб, засунул несколько ассигнаций в бумажник из шагреновой кожи и поплелся к дверям.

Уже на улице, бесцельно глаза по сторонам, он вдруг заметил, как из магазина модной одежды «Шик паризьен»[12 - Парижская мода (фр.). (Прим. авт.)] вышла та самая дама с родинкой над правой губой, для которой и были куплены часы-кулон. На этот раз Лейб решил не торопиться. Он, точно опытный филер, бродил за ней по пятам, надеясь встретить ее недавнего спутника и потребовать от него либо возврата вещицы, либо оплаты покупки настоящими деньгами. Только проездив за дамой два с лишним часа, он так и не дождался появления того самого господина. Теперь ничего не оставалось, как «проводить» ее до дома.

Перед трехэтажным особняком на Миллионной улице, куда вошла незнакомка, на глаза Лейбу попался дворник. За серебряный двугривенный тот поведал, что сия госпожа есть «ее превосходительство баронесса Мария Константиновна Красицкая». Ее муж, старше ее лет на пять, сам водит заграничную моторную коляску. Барон еще не приехал.

«Что ж, вполне удачный вариант. Семейка не бедствует, – рассудил ювелир. – Надобно заглянуть к дамочке прямо сейчас, пока нет ее благоверного, и рассказать ей обо всем, как есть. А впрочем, – в голове у него мелькнула хитрая мыслишка, – в таком деле торопиться не следует. При должном старании можно и гораздо больший профит получить... Правда, придется изменить своим правилам, но ведь и я обманут. Неужели я не могу восстановить справедливость в двух- или трехкратном размере?» – Не раздумывая больше ни минуты, он нажал на пуговицу электрического звонка.

III

– Разрешите представиться: Лейб Меерович Гиршман. Имею салоны «Часы и драгоценности Л. Гиршмана» в Киеве, Одессе, Харькове и Житомире. Вы меня припоминаете? – переминаясь с ноги на ногу выговорил торговец. – Второго дня я продал вам часики. Ваш спутник – этот молодой красавец – заплатил за них пятьсот тридцать рубликов. Помните?

– Ах да, конечно, – пролепетала миловидная дама и смутилась. Над ее верхней губкой, как раз там, где поселилась родинка, забилась маленькая нервная жилка.

«Господи! До чего же она прекрасна», – невольно изумился визитер.

– Как часики? В порядке? – расплывшись в натянутой улыбке, справился он.

– Все прекрасно. – Она пожала плечами. – А что?

– Вы позволите мне присесть? – теребя край котелка, осведомился Гиршман.

– Да-да, конечно. Присаживайтесь, куда вам будет угодно. – Она указала рукой на стул и кресло. Сама опустилась на край дивана. – Простите, что сразу не предложила, но вы появились так неожиданно. Вот я и вышла к вам по-домашнему, в пеньюаре. Не обессудьте.

– Нет-нет, ничего, – сконфуженно забегал глазами ювелир, стараясь не смотреть на открывшуюся коленку хозяйки.

– Итак, я вас слушаю...

– Простите-с... – Он поднял глаза и изрек извинительно: – Я даже не знаю, как вас величать.

– Ах да, – поправляя непослушную прядь волос согласилась очаровательная брюнетка. – Моя постоянная забывчивость... Я баронесса Красицкая, Мария Константиновна.

Лейб Меерович скромно кашлянул в кулак и пояснил:

– Так вот-с, деньги, которые заплатил ваш... знакомый... оказались фальшивые. Извольте убедиться, сударыня. – Он вынул портмоне и достал свернутые вдвое купюры.

– Как это? – оторопело вымолвила дама, хлопая длинными ресницами.

– А вот смотрите, – уже смелее заговорил гость. Он поднес десятку к свету. – Здесь вместо русской буквы «Я» стоит латинская «R». Где такое видано? А сотни я носил в банк. Их рассматривали под микроскопом. Все до одной поддельные. Вот так-то, мадам...

– А вы уверены, что это именно мы вам дали эти ассигнации?

- Помилуйте! А кто ж еще? – торговец удивленно воззрился на собеседницу.

- Насколько я помню, там была еще одна пара, – неуверенно произнесла она.

- Вы правы, – кивнул Лейб. – Была. Только у них часы почти в два раза дороже ваших. Тот господин одними радужными расплачивался. К ним у меня претензий нет. Но, – он придвинул к дивану стул, и почти в упор уставился на красавицу, не отводя глаз, – я могу, конечно, и в полицию обратиться. Дом теперь я ваш знаю...

- Ну что вы? Зачем же полицию беспокоить. Может быть, чаю с ромом или кофе с коньяком?

- Благодарю за предложение, только думаю, что засиживаться мне не с руки. Не ровен час, супругник ваш вернется. А потому пусть этот... ваш кавалер принесет мне завтра в магазин три тысячи рублей. Жду его до закрытия. В противном случае мне придется обратиться в полицию, – вставая выговорил Лейб. – А там, сами понимаете, – благоверный ваш сразу об адюльтере узнает.

- Пойдите, пойдите. Это какое-то недоразумение. Мой друг совсем ни при чем. Его, вероятно, тоже обманули и подсунули фальшивки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

10° R = 12 °C.

2

Хедер (идиш) – еврейская начальная религиозная школа. (Прим. авт.)

3

Ребе (идиш) – учитель в хедере. (Прим. авт.)

4

Мафтир – молитва, которую распевают 13-летние мальчики в ознаменование своего религиозного совершеннолетия. (Прим. авт.)

5

Гут шабес (иврит) – доброй субботы. (Прим. авт.)

6

ПОАЛЕЙ ЦИОН – еврейская социал-демократическая рабочая партия. (Прим. авт.)

7

Эсдек (жарг.), (сокр.) – член социал-демократической партии (здесь: РСДРП).

8

Радужная – банкнота достоинством в 100 рублей. (Прим. авт.)

9

Так называли МИД по месту нахождения здания. (Прим. авт.)

10

Штетл (идиш) – городок или поселение с преобладающим еврейским населением. (Прим. авт.)

11

Адонай (иврит) – Господь. (Прим. авт.)

12

Парижская мода (фр.). (Прим. авт.)

Купить: https://tellnovel.com/lyubenko_ivan/kievskiy-labirint

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)